

МИНИСТЕРСТВО НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КАЗАХСКОЙ ССР
КАЗАХСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО
ЗНАМЕНИ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

САДЫКОВ Канат Джалилович

КЫРГЫЗСКИЙ ГЕРОИЧЕСКИЙ И РУССКИЙ
БЫЛИННЫЙ ЭПОС В СВЕТЕ ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ
ОБЩНОСТИ
(На примере кыргызского эпоса «Эр Тештюк»)

10.01.09 – фольклористика

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Алма-Ата, 1991

Работа выполнена на кафедре теории и истории русской литературы факультета русской филологии Кыргызского государственного университета.

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
член корр. АН Республики Кыргызстан
Кыдырбаева Р. З.

Официальные оппоненты:
доктор филологических наук,
профессор М. М. Багизбаева;

кандидат филологических наук,
доцент Бегалиев С. Б.

Ведущая организация (рецензент) — Бишкекский институт русского языка и литературы

Защита состоится «__» ноября 1991 г. на заседании специализированного Совета Д 058. 01. 07 по защите диссертации на соискании ученой степени докторских филологических наук при Казахском ордена Трудового Красного Знамени государственном университете (480121, г. Алма-Ата, ул. Тимирязева, 46, ГУК-1 филологического факультета).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Казахского государственного университета.

Автореферат разослан «__» _____ 1991 г.

Ученый секретарь
специализированного Совета
доктор филологических наук УРАЗАЕВ П.М.

Актуальность темы. Сравнительно-историческое изучение обширного эпического наследия народов СССР является насущной задачей современной советской фольклористики. Важный аспект этой задачи связан с постановкой и решением проблемы типологической общности киргизского героического и русского былинного эпоса. Попытка освещения указанной проблемы тесно сопряжена с актуальными вопросами стадияльно-жанровой эволюции народного героического эпоса, исследованием исторической динамики эпической традиции в ее взаимодействии с повествовательной традицией мифа и волшебного-героической сказки. В связи с этим в работе особое значение приобретают положения историко-типологической теории изучения фольклора, методология и методика которой разрабатывались в трудах В.М.Жирмунского, В.Л.Проппа, Б.Н.Путилова, Е.М.Мелетинского и С.Ю.Неклюдова.

Актуальность типологических изысканий в области народного героического эпоса продолжает возрастать с каждым годом. Вовлечение в сферу сравнительных исследований новых, ранее не изучавшихся, а также малоизученных материалов способствует обогащению научных представлений о множестве вариаций мирового эпического фонда и позволяет, наряду с этим, наметить закономерные черты его единства, которое носит характер типологической преемственности и общности.

Научная новизна. Типологическая общность между героическим эпосом киргизов и русскими былинами выявляется в диссертационной работе на примере сказания «Эр Тештюк», обнаруживающего глубокие мифологические корни и тесные генетические связи с архаическим эпосом.

Первые сравнительные наблюдения над киргизским эпосом «Эр Тештюк» были предприняты академиком В.В.Радловым, который со

поставлял сюжетную систему киргизского сказания с аналогичном эпосом тобольских татар¹. Дальнейшее сравнительное изучение эпоса «Эр Тештюк» связано с исследовательской и собирательской деятельностью Г.Н.Потанина, отметившего широкое распространение его сюжета «на всем протяжении от Монголии до Западной Европы»².

В советской фольклористике вопросы генезиса киргизского эпоса «Эр Тештюк» и его жанровые характеристики частично освещались в работах П.А.Фалева и В.М.Жирмунского³. О глубокой мифологической семантике мотивов и образов эпоса «Эр Тештюк» говорилось в исследовании Х.Г.Короглы⁴.

В настоящее время имеется довольно обширная научная литература по сопоставительному анализу национальных вариантов и разноэтнических /казахской, татарской, киргизской/ версий сказания «Эр Тештюк». Этой проблеме посвящены работы Ф.И.Урманчиева, С.Закирова, Ж.Суванбекова, С.Т.Кайыпова.

Научная новизна диссертационной работы определяется тем, что в ней практически впервые предпринимается попытка историко-типологического исследования эпоса «Эр Тештюк» в сопоставлении с отдельными русскими былинами для выявления характерных черт общности и различий в стадиальной эволюции эпических мотивов и образов.

¹ Радлов В. В. Образцы народной словесности северных тюркских племен. – СПб., 1885. – Т.5. – С. 14-16.

² Потанин Г. Н. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. – М., 1899. – С. 68.

³ Фалев Л. А. Введение в изучение тюркских литератур и наречий. – Ташкент, 1922. – С. 17; Жирмунский В. М. Народный героический эпос. – М.-Л., 1962. – С. 201.

⁴ Короглы. Х. Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. – М., 1983. – С. 45.

Цели и задачи исследования. Основная цель исследования заключается в том, чтобы путем сравнительного анализа попытаться наметить в киргизской и русской эпической традиции типологически сходные тенденции, связанные с процессом усвоения и переработки предшествующей традиции мифа и волшебного-героического сказки.

Работа не претендует на исключительно полное освещение всех аспектов этой многогранной и сложной проблемы. Перед ней поставлены следующие задачи:

1. Установить характер соотношения собственно эпических и волшебного-сказочных повествовательных элементов в сюжетно-композиционном составе киргизского сказания «Эр Тештук»;

2. Выделить в сюжетах русских былин и героическом эпосе киргизов типологически сходные мотивы и проследить направление их последующих трансформации»

3. Выявить степень типологической общности и специфику различий в стадийной эволюции эпических образов русской быliny и героического эпоса киргизов.

В соответствии с вышеизложенными целями и задачами исследования, круг сравниваемых источников был ограничен преимущественно героическим сказанием киргизов «Эр Тештук» и теми русскими былинами, в сюжете которых отчетливо проступают сказочно-мифологические элементы. Однако, по необходимости, в работе используются фольклорные и этнографические материалы, выходящие за рамки обозначенного круга.

Практическая значимость диссертации обусловлена возможностью использования отдельных результатов и выводов исследования в курсе вузовского преподавания устного народного творчества, на семинарских и практических занятиях, а также при чтении специальных курсов по типологии народного героического эпоса.

Методологической основой работы явились фундаментальные исследования ведущих советских фольклористов по теории фольклора и типологии народного героического эпоса. В работе используется методика сравнительного и структурного анализа повествовательных текстов, получившая широкое признание в современной фольклористической науке.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в четырех публикациях /см. перечень работ в конце автореферата/.

Структура работы. Диссертация состоит из двух глав, включающих отдельные параграфы, а также заключения и списка литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснованы выбор и актуальность темы, сформулированы цели, определена методология и методика исследования. В указанной части работы содержится обзор литературы вопроса, выявляющий степень изученности проблемы, и установлены рабочие параметры ключевых терминов исследования – «мотив», «функция», «эпизод».

В первой главе диссертации «Героический эпос и сказочная повествовательная традиция» основное внимание сосредоточено на установлении структурных соотношений и соответствий, продиктованных как в киргизской, так и в русской эпической поэзии действием закона типологической преемственности, согласно которому каждая новая стадийная форма эпоса складывается в недрах предшествующей и сохраняет ее следы на всех этапах своего развития. Важное значение приобретает, в связи с этим, сопоставительный анализ структурных компонентов собственно сказочных и героико-эпических повествований.

В первом параграфе диссертации исследуется взаимосвязь эле-

ментов волшебной сказки и архаического эпоса в сюжетно-композиционном составе сказания «Эр Тештук».

Подробное рассмотрение первого блока эпизодов, повествующих о чудесном рождении героя, поисках пропавших братьев и их женитьбе позволяет заметить, что действие в каждом из них развивается в строгой последовательности от «недостачи» до ее «ликвидации» с использованием ряда промежуточных звеньев, характерных для композиционной структуры волшебной сказки.

Мотиву чудесного рождения, который чаще всего встречается в экспозиционной части сказочных повествований, а киргизском сказании предшествует цикл взаимосвязанных мотивов, разработанных в традиционном эпическом стиле. Имеете с тем, анализ композиции этого эпизода показывает соответствие ее схемы структуре небольшой одноходовой сказки, где есть «недостача» /a/ – отсутствие у престарелых родителей ребенка, «начинающееся противодействие» /C/ – жалоба старика на судьбу и вымаливание сына, «выезд из дома» /↑/ – посещение святых захоронений, «овладение волшебным предметом» /Z/ – получение чудесного яблока, «ликвидация недостачи» /√/ – зачатие и рождение ребенка¹.

Второй эпизод киргизского сказания, повествующий о поисках пропавших братьев также содержит свой «микро конфликт», и его минимальное разрешение. Анализ этого эпизода дает возможность отметить, что в его основе лежат мотивы, имеющие широкое хождение в мировом, сказочном фольклоре. Герой получает от родителей чудесные дары – железные сапоги, «темир чокой», специальную походную пищу «кюль азык», и отправляется в путь. Выявляя историческую, основу аналогичных мотивов русской волшебной сказки, В.Я.Пропп отмечал: «Можно установить, что обувь, посох и хлеб, были те пред-

¹ Условные обозначения даны по схеме В.Я. Проппа.

меты, которыми некогда снабжали умерших для странствий по пути в иной мир. Железными они стали, позже, символизируя долготу пути»¹. Структурная схема данного круга повествования содержит двухтактное перемещение героя к месту ликвидации недостачи и возвращение; исходному месту действия /а В С ↑ ∧ ↓/.

Следующий эпизод сказания вновь начинается с «недостачи» /а/, которая выражена в особой форме. Богатырь и его братья высказывают желание жениться и отправляют отца на поиски невест. Порядок расположения функций этого эпизода совпадает с композиционной схемой волшебной сказки: отец богатыря выезжает на поиски невест, встречает ясновидящую старуху, указывающую человека, имеющего восемь дочерей, совершает сделку и возвращается назад /а В ↑ R⁴ ∧ ↓/. Однако содержание этого повествовательного блока, за исключением некоторых мотивов, составляют реальные бытовые сцены, и последовательное описание отдельных моментов свадебного обряда – сговор родителей, выплату выкупа, выдачу приданного и пр.

Основу заключительного эпизода первой части сказания составили следующие, повествовательные элементы; «запрет» /б/ – младшая невестка просит Элемана не делать остановок в пути, «нарушение запрета» /в/ – Элеман делает короткую остановку и попадает в руки ведьмы, «отсидка» /В/ – Элеман оставляет ведьме напильник, а посылает за ним тещюка, «вредительство второго хода» /А/ – ведьма заманивает богатыря в подземный мир. Можно констатировать, что подобная повествовательная схема лежит в основе многих сказочных текстов.

В центральной части эпоса «Эр Тештюк», излагающей историю походов героя в подземном мире, отчетливо прослеживается не-

¹ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – 2-е изд. – Л., 1986. – С. 49.

сколько повествовательных блоков, характерных для сказочных и архаических эпических повествований на тему змееборства и героического сватовства:

- встречи героя с чудесными помощниками и оказание услуг различным животным, попавшим в беду;

- участие в брачных состязаниях и выполнение трудных заданий;

- поединки героя с чудовищами и великанами подземного мира;

- возвращение из подземного мира на крыльях птицы вместе с завоеванной невестой.

Наличие в каждом из указанных повествовательных блоков множества мотивов сказочного происхождения открывает возможность для самых широких сопоставлений. В работе приводится типологическая параллель к одному из эпизодов центральной части сказания, в котором сообщается о столкновении бог шаря с одноглазым чудовищем, обитающем в расщелине скалы. Отмечается, что сцена умерщвления циклопа в киргизском эпосе тесно перекликается с аналогичным эпизодом из греческой «Одиссеи». В обоих текстах победа над одноглазым великаном одерживается не в открытом бою, а во время его сна. Герой киргизского эпоса убивает своего противника вонзив ему в глаз раскаленный на огне железный кол.

Кыпкызыл мунар шиш темир
 Кыйындап колго алды эле,
 Тегерегин карабай,
 Теги жанын аябай,
 Тее мойнундай шиш темир
 Жалгыз көздүн карегин.
 Муштап келип жиберди¹.

Раскаленный докрасна железный кол,
 Всхрабрившись, взял он в руки,
 Кругом не оглядевшись,
 Жизни своей не пожалев,
 Кол, толщиной с верблюжью шеею,
 В зрачок единственного глаза
 Со всего размаха всадил.

Повествования о столкновениях богатырей с одноглазыми чудовищами довольно широко представлены в сказочном и эпическом фольклоре тюрко-язычных народов. На подобной повествовательной основе

¹ Эр Тештук. – Рукоп. Ф. ИЯЛ АН Кирг ССР. – Инв. № 48.

построена, к примеру, казахская волшебнo-герoическая сказка «Эдил». Рассматривая аналогичный мотив из героического эпоса огузов, В.М.Жирмунский высказал предположение, что циклоп в «Одиссее» мог быть результатом заимствования этого образа из восточных фольклорных источников¹. Присутствие в сюжете эпоса «Эр Тештюк» сцены единоборства героя с циклопом свидетельствует о несомненной архаичности его первоначального ссюжетного ядра.

В результате сопоставительного анализа было выявлено также, что ряд мотивов, входящих в состав эпизода, повествующего о возвращении героя на крыльях птицы. Алпкаракуш обнаруживают типологическое сходство с мотивами русской волшебной сказки «Кощей Бессмертный» /Афанасьев, № 157/, где присутствует аналогичный персонаж – «птица Моголь», доставившая героя в «тридевятое царство». В киргизском сказании и русской волшебной сказке совпадает, делая, серия мотивов следующего содержания:

- предварительное заготовление пищи для гигантской птицы;
- кормление птицы во время полета этой пищей;
- требование мяса после того как все запасы пищи истощились;
- заглатывание куска мяса, вырезанного из ноги героя;
- приживание этого куска обратно на место после удачного перелета из одного мира в другой.

Совпадения подобного рода, охватывающие целую группу взаимосвязанных мотивов, не могут быть в полном объеме объяснены только факторами типологического порядка. В подобных случаях, как отмечал В.М.Жирмунский, вполне оправдан подход с точки зре-

¹ Жирмунский В.М. Огузский героический эпос и «Книга Коркута» // Книга моего деда Коркута. – М.- Л., 1962. – С. 217.

ния «международных влияний» или «миграций сказочных сюжетов»¹. В пользу такого подхода говорит то обстоятельство, что сравнительные аналогии к этому эпизоду киргизского сказания не ограничиваются материалами русского сказочного фольклора. Совпадение указанной группы мотивов киргизского сказания с иранскими мифами о птице Симург позволило Х.Г.Короглы поставить вопрос о иранских влияниях на его сюжетный состав².

Выявленные структурно-типологические соответствия и соотношения дают достаточно веские основания для вывода о существенном влиянии сказочной повествовательной традиции на сюжетно-композиционную основу киргизского сказания. Этот вывод подкрепляется также результатами анализа заключительной части сказания, которая представляет собой типологическую разновидность широко распространенного в восточнославянском фольклоре сюжета о борьбе героя с бессмертным противником /АА, № 302/. Данная часть киргизского эпоса состоит из следующих повествовательных компонентов: «обманные уговоры вредителя» /Г/ – великан Чоюнкулак просит у Тештюка помощи и обещает дружбу; «пособничество героя вредителю» /д/ – герой вызволяет его из глубокой пропасти; «нанесение вредительства» /А/ – Великан Чоюнкулак сбрасывает в эту пропасть Тешткжа и завладевает его женой, волшебным конем Чалкуйруком и богатырскими доспехами; «помощь благодарного животного» /Z/ – героя спасает от смерти птица Алпкаракуш; «указание пути» /R⁴/ – жена героя сообщает ему о том, что смерть Чоюнкулака заключена в душах семи черных скворцов; «ликвидация недостачи» /Λ / – Тештюк добывает смерть коварного противника; «бой героя с противником и победа» /Б=П/ – во время схватки с вели-

¹ Жирмунский В.М. К вопросу о международных сказочных сюжетах // Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л., 1979. – С. 336-337.

² Короглы Х.Г. Взаимосвязи эпоса народов Средней Азии, Ирана и Азербайджана. – М., 1983. – С. 45.

каном, Тёштюк убивает скворцов и одерживает победу над противником.

Обнаруженное единство формальных признаков не может означать, что между волшебной сказкой и архаическим эпическим сказанием имеется полное тождество структурных и содержательных элементов. Хотя действие киргизского эпоса «Эр Тёштюк» и развивается на фоне фантастической картины двух миров – подземного и земного, в центре его внимания находится мир реальных человеческих отношений. На эту особенность эпической поэзии киргизов указывал еще В.В.Радлов, который писал: «Несмотря на чудесные и отчасти невероятные приключения, богатыри этих песен являются настоящими людьми, одаренными великими качествами и в то же время людскими слабостями и недостатками»¹. Совпадение композиционной схемы повествования не может стереть жанровой границы, пролегающей между волшебной сказкой и эпосом. Другое дело, что, в зависимости от времени и исторических условий, эта граница может быть или ближе, или дальше от центра сказочной повествовательной традиции.

Во втором параграфе диссертации рассматривается проблема взаимодействия сказочных и героико-эпических элементов повествования в составе русских былин «Добрыня и Змей» и «Михаил Потык». Обращение к истории изучения этих былин позволяет наметить все принципиальные разногласия в трактовке их содержательной основы, обозначившиеся еще между представителями различных школ старой русской фольклористики. Однако, при всем многообразии точек зрения на историческую основу указанных былин, большинство исследователей выделяло неоспоримый сказочный повествовательный пласт, составляющий основу их сюжетной структуры, в центре которого находится змееборческий подвиг, связанный с борьбой за женщину.

¹ Радлов В.В. Введение // «Манас» - героический эпос киргизского народа. – Фрунзе, 1968. – С. 21.

Одна из точек зрения, тесно связывающая былинку о Добрыне-змееборце со сказочной традицией, была аргументировано, представлена в исследовании известного советского фольклориста В.П.Аникина¹. Аргументация этого исследователя, как известно, основывается на тщательном историческом анализе всех имеющихся вариантов былинки. Мы же попытались привести доказательства в пользу этой точки зрения путем сопоставления композиционной структуры былинки о Добрыне-змееборце со сказочной схемой повествования.

В сюжетном составе былинки «Добрыня и Змей» важное структурообразующее значение имеют мотивы материнского запрета /б/ и его нарушения /в/. Логика развития действия былинки в данном случае в точности соответствует сказочной схеме. Но, в отличие от сказки, где запрет нарушается в результате неосознанных действий героя, былина подчеркивает намеренный характер поступка Добрыни. Нарушение запрета в былинке представляет собой демонстрацию удали и бесстрашия богатыря.

Сравнительное рассмотрение эпизода, сообщающего о первом поединке героя со Змеем позволяет выделить в его составе ряд мотивов, имеющих глубокие мифологические корни. К мотивам сказочно-мифологического плана были отнесены следующие повествовательные элементы:

- появление чудовища у огненной реки в сопровождении различных природных явлений /гром, молния, туча, дождь/;
- угрозы Змея уничтожить, «проглотить» богатыря /Гильф., № 148/;
- победа над Змеем с помощью волшебного предмета.

Первый мотив этого эпизода указывает, на тесную связь образа Змея в русском, фольклоре с огненной и водной стихией. Как и в

¹ Аникин В.П. Былины. Метод выявления исторической хронологии вариантов. – М., 1984.

сказочных повествованиях, Змей выступает здесь в роли хранителя границ потустороннего мира, о чем свидетельствует его появление во время купания героя в огненной реке. Мифологическая основа второго мотива реконструируется из архаических тотемных представлений, согласно которым смерть отождествлялась с попаданием в утробу тотемного предка. Волшебнo-сказочные истоки последнего мотива этой группы достаточно очевидны. Главным фактором, решившим исход поединка, оказывается не физическая мощь героя, а наличие предмета, обладающего волшебными свойствами. В сюжете былины «Добрыня и Змей» таким предметом чаще всего служит «колпак земли греческой». Это обстоятельство свидетельствует об имевшем место влиянии поздней религиозной символики на первоначальную сказочную основу. Вместе с тем, в отдельных вариантах былины наблюдается стремление рационализировать чудесную победу над противником: колпак оказывается, набит речным песком и весит 1.2 пудов.

Дальнейший анализ повествовательной основы былины позволил выделить в ее составе еще ряд структурных компонентов, сходных с композиционными элементами волшебной сказки.

Поверив обманным уговорам противника /Г/ Добрыня отпускает Змея /д/. Сразу после этого следует «вредительство» /А/ Змей похищает племянницу князя Владимира. Выручить Забаву Путятичну героя просит сам киевский князь. Эта просьба, которая соответствует сказочной функции «сообщение о вредительстве» /В/ преобразуется в былине в княжеский наказ, «службу великую». Герой собирается в путь /↑/ и получает от матери чудесные предметы /Z/. Окончательная победа героя над Змеем /П/ вновь происходит с помощью волшебного предмета, или благодаря вмешательству сверхъестественной силы, «небесного гласа». Этот же небесный

глас» помогает герою избавиться от обильно залившей землю змеиной крови. Наличие последнего мотива можно объяснить тем, что победа героя над Змеем с помощью волшебного средства не вписывалась в общий героико-эпический фон повествования. Поэтому, магическая сила волшебного средства уступает в ней место эстетике религиозного чуда. Понятно, что такая мотивировка победы, как и в первом поединке героя с противником, представлялась для своего времени более убедительной.

«Похищение», как известно, – одна из основных функций чудесного противника в сказочных повествованиях. Однако в сюжете былины о Добрыне-змееборце эта функция представлена в новом аспекте. Змей не просто похищает девушку, он «копит полоны». Соответственно и подвиг Добрыни трактуется по-новому, он предстает освободителем всех плененных русских людей. Подобная трансформация сказочной темы змееборства позволяет видеть в ее эволюции более поздний исторический пласт, связанный с образно-символической характеристикой постоянных этнических противников Руси – степных кочевников. В этой связи отмечается, что в былине «Добрыня и Змей» присутствует развернутая картина эпического мироустройства, характерная для былинных сюжетов киевского цикла. Благодаря этому, змееборческий подвиг Добрыни органично вплетается в эпический пространственно-временной континуум, не нарушая его целостности.

На аналогичном эпическом фоне развивается также действие другой былины – «Михаил Потык», в составе которой тоже имеется древний змееборческий эпизод. Одним из экспозиционных повествовательных элементов былины выступает мотив встречи богатыря с чудесной девой-лебедью. Мотивы аналогичного плана имеют широкое хождение в мировом сказочном фольклоре. На основе сравнительного

изучения самых различных фольклорных источников, В.М.Жирмунский убедительно вскрыл тотемистическую основу этих мотивов, которые иногда вырастают в сказочный сюжет¹. Несмотря на довольно многочисленные вариации этого сюжета, его основная канва остается неизменной – дева-лебедь покидает героя. Причиной расставания могут служить такие мотивы как нарушение брачного запрета, похищение, измена, внезапная смерть. Некоторые мотивы этой группы находятся в отношениях взаимодополняемости похищение – смерть, нарушение запрета – похищение.

В былине о Потоке смерть чудесной девы наступает после ее обручения с героем. Логика былинного сюжета здесь повторяет сказочную схему повествования. Известно, что в тех случаях, когда женитьба героя дается в начале сказочного сюжета, неизменно за этим следует похищение или смерть невесты. Потык, связанный с девой-лебедью словом, вынужден отправиться в могилу вместе с ней. Большинство исследователей былины видели в этом мотиве выражение злого умысла со стороны чудесной девы. Однако, если рассматривать этот мотив в комплексе-всей змеборческой тематики, то закономерен вывод о том, что его присутствие в былинном сюжете объясняется трансформацией первоначальной сказочной основы: герой погребается вместе с умершей женой – герой отправляется в загробный мир за похищенной женой. Следы этой первоначальной основы отчетливо прослеживаются в сохранившихся мотивах заготовления пищи и погребения богатыря вместе с конем и оружием. Потык предвидит столкновение со Змеем и готовится к этому /Гильф., № 6/, Победенный Змей вынужден оживить умершую жену богатыря. Именно в этих мотивах змеборческого эпизода проявляется архаический

¹ Жирмунский В.М. Народный героический эпос. – М.-Л., 1962. – С. 69.

пласт сказочно-мифологических представлений, связывающих смерть и похищение с образом Змея.

Результаты сравнительного анализа позволяют отметить, что в русских былинах о героях-змееборцах заметно ощущается присутствие целого ряда типических мотивов, которые являются принадлежностью сказочной повествовательной традиции. Вместе с тем, эти мотивы преобразуются в былинных сюжетах в соответствии с новым пониманием героического и условно-реалистического.

Поскольку один из отличительных признаков эпического героического сюжета состоит в том, что его развитие идет по принципу наибольшего выделения центрального героического персонажа, то следующий этап нашего исследования состоит в выявлении и типологии на уровне эпических образов. Этой задаче посвящена вторая глава диссертационного исследования «Эпические образы и, их эволюция в свете стадиально-типологической теории народного героического эпоса».

Наличие в сюжете героического эпоса элементов эпической героики и, одновременно с этим, сказочной архаики, противоречивое смешение самых различных историко-временных пластов не могло не отразиться на особенностях образа центрального героя. В связи с этим, важное значение для выявления жанровой специфики и генезиса отдельных эпических текстов приобретает сравнительное изучение эпических образов.

В первом параграфе данной главы выявляются мифологические корни образов эпоса «Эр Тештюк» и устанавливается их взаимосвязь с общей картиной эпического мироустройства, сохранившего следы сказочно-мифологической традиции.

В работе констатируется тот факт, что во всех известных национальных версиях сказания о богатыре Тештюке /казахской, татарской, киргизской/ присутствует особая картина эпического миро-

устройства, представленного двумя пространственными зонами – средний мир, населенный людьми, и подземный мир, где обитают чудовища и великаны. Обращение к эпической поэзии якутов и алтайцев позволяет отметить, что в основе такого мироустройства киргизского сказания лежит более полное древнее мифологическое представление о трехчленном строении мира и о космической оси, связывавшей три зоны вселенной между собой. В роли космической оси в мифологии народов Южной Сибири выступает священное дерево.

В эпической поэзии якутов и алтайцев священное дерево имеет прямое отношение к биографии богатыря. Исследователь эпоса якутов, И.В.Пухов, отмечал, что священное дерево в олонхо не только олицетворяет космическую основу мира, но выполняет также функции покровителя членов рода¹. Отсюда и второе название этого мифологического образа – родовое дерево.

В алтайских эпических поэмах родовое дерево часто становится прибежищем осиротевшего малолетнего героя, недоступной твердью для врагов, стремящихся уничтожить последнего члена рода» Такой сюжетный ход имеет место в эпосе «Маадай Кара».

В киргизской эпической поэзии этот образ почти утратил свое прежнее космогоническое значение, частично сохранив лишь функции покровителя малолетнего богатыря. В эпосе «Семэтей» упоминается священное дерево Байтерек, под которым укрываются от преследователей овдовевшая Каныкей, и малолетний сын Манаса.

В эпосе «Эр Тештюк» сообщается, что на священном дереве гнездится птица Алпкаракуш. Герой убивает дракона, ежегодно пожиравшего птенцов этой птицы и, в благодарность за это, она выносит его на своих крыльях из подземного мира. Таким образом, отсутствие подробного описания священного дерева компенсируется тем, что

¹ Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. – М., 1982. – С. 35.

его изображению в киргизском сказании сопутствуют два других образа – образы змеи: и птицы» Известно, что священное дерево в фольклоре многих народов мира обычно связывается с таким образно-символическим противопоставлением верхней и нижней зоны вселенной.

Наиболее архаические черты присутствуют также в изображении богатырского коня, который наделен даром предвидения и человеческой речи. Победа героя в состязаниях женихов и выполнение трудных заданий осуществляются во многом благодаря чудесным качествам коня Чалкуйрука. Интересен тот факт, что в варианте эпоса «Эр Тештюк», записанного В.В.Радловым, конь богатыря наделен свойством оживления умершего. Когда Тештюк погибает от руки коварного великана Чоюнкулана его конь, превратившись в собаку, находит останки костей своего хозяина и съедает их. В желудке этого животного происходит чудесное оживление богатыря¹. Данный мотив уходит своими корнями в древние тотемистические верования, связывающие смерть и рождение с пребыванием в чреве тотемного предка.

Центральный конфликт сюжета эпоса «Эр Тештюк» заключается в противостоянии богатыря повелителю подземного мира, хану Көкдөө. Поединок богатыря с ханом Көкдөө завершает серию подземных приключений героя и является одним из кульминационных центров эпического повествования. Сравнительные наблюдения позволили отметить существенную близость этого образа образу хана Эрлика в эпических поэмах алтайцев, повествующих о борьбе богатыря с обитателями подземного мира. Столкновение богатыря с ним происходит, главным образом, из-за смерти людей, души которых попадают во власть Эрлика. Другим кульминационным центром киргизского сказания «Эр Тештюк» является подвиг героя, связанный с добыванием

¹ Радлов В.В. Образцы народной литературы... - СПб., 1885. – Т. 5. – С. 369.

со дна кипящего озера Ала-Куль волшебного котла. В эпосе ничего не сообщается о чудесных качествах добываемого котла. В руках богатыря Тештюка этот предмет находит особое применение. С его помощью он завершает разгром подземного царства.

Типологическую параллель к этому мотиву можно обнаружить в тексте древнескандинавских мифологических песен «Старшей Эдды» /»Песня о Трюме», «Песня о Хюмире»/, повествующих о похождениях Тора в стране великанов. Как сообщает Е.М.Мелетинский: «Тор отправляется туда с целью добывания /возвращения/ находящегося во власти великанов некоего уникального предмета – по форме вполне бытового, но имеющего мифическое значение /молот – котел/. В финале обеих песен Тор избивает великанов своим молотом и возвращается домой, в Асгард»¹. Исследователь полагал, что Подвиги Тора, связанные о добыванием чудесных предметов, характеризуют его как культурного героя.

Таким образом, сравнительно-типологический анализ показал, что центральные образы эпоса «Эр Тештюк» обнаруживают глубокую мифологическую семантику. Наши наблюдения дают основание для предположения о том, что в основе змееборческого подвига Тештюка лежат древние космогонические мотивы шаманского характера. В структуре образа центрального героя эпического сказания сохранились черты культурного героя.

В следующем параграфе исследования выявляются элементы сказочной традиции в эпической биографии героев русского эпоса. В русской эпической поэзии есть ряд персонажей, чья эпическая биография получила отражение в целом ряде сюжетов как сказочного, так и собственно героического плана. Одним из таких героев является Добрыня Никитич, с именем которого связывается не только змееборче-

¹ Мелетинский Е.М. «Эдда» и ранние формы эпоса. – М., 1968. – С. 139.

ский подвиг, но и столкновение с колдуньей Маринкой, побратимство с Ильей Муромцем, женитьба на деве-богатырше Настасье, конфликт с Алешей Поповичем и ряд других эпических ситуаций.

Анализ вариантов былинного сюжета о борьбе богатыря со Змеем дает возможность отметить наличие в некоторых из них мотивов, призванных детализировать биографию Добрыни. Особое значение в данном случае приобретают мотивы, содержащие сведения о рождении героя и его родителях. Анализ текста позволяет установить в отдельных случаях их первоначальную сказочную основу. Например, в одном из вариантов о Добрыне-змееборце сообщается, что отец героя дожил до глубокой старости и умер перед самым рождением сына. При внимательном прочтении текста /ВПЗ, № 68/, не составляет особого труда найти в этом сообщении прямое указание на длительную бездетность престарелых родителей. Чисто героический характер обнаруживают сюжетные элементы, повествующие о детских забавах героя /БПЗ, № 45/ и овладении воинским искусством /Онч., № 59/. Вместе с тем, нельзя не отметить, что последний мотив находится в одном генетическом ряду с мотивами овладения колдовским умением /Волх/ и овладением грамотой /Добрыня/. Возможно, они представляют собой последовательные ступени в эволюции эпического сюжета.

Исследование других сюжетов о Добрыне тоже позволяет выделить ряд мотивов сказочного происхождения: поединок с девой-богатыршей и женитьба на ней, неузнанное возвращение на свадьбу жены.

Заключительный этап в разработке эпической биографии Добрыни связан с формированием сводных былин, в которых различные сюжеты о богатыре объединены в определенной логико-временной последовательности. Былины такого рода были записаны как в конце прошлого века /Гильф., № 15/, так и в советское время от сказительницы С.П.Пахоловой /БПЗ, № 98/. Назначение таких былин А.М.Астахова

видела в том, что они «являли собой как бы подготовительную работу на пути к эпосе»¹.

Результаты изучения былин о Добрыне показывают, что процесс сложения связной эпической биографии героя сопряжен не только с мотивами героико-эпического характера, но и с использованием арсенала сказочной повествовательной традиции.

Тенденция биографической циклизации более ярко представлена в былинах об Илье Муромце. Эпическая биография этого богатыря открывается былиной о его исцелении, которая, по мнению исследователей, сложилась гораздо позже основных звеньев его героических подвигов. Сюжет этой былины как раз и интересен тем, что будучи отнесен к более позднему этапу формирования русской эпической традиции, представляет собой качественно новый подход к использованию традиционных сказочных мотивов.

Сопоставительный анализ довольно легко позволяет установить аналогию между болезнью Ильи, вынужденного «сиднем сидеть», и сидением сказочного персонажа на печи. Исцеление Ильи Муромца и обретение богатырской силы происходит одновременно. Характеризуя этот сюжетный ход былины, В.Я.Пропп отмечал совпадение эстетики былины с эстетикой сказки. Самый больной и недужный крестьянин становится защитником народа².

Победа Ильи Муромца над Соловьем-разбойником трактуется как первый подвиг богатыря. Значение этого подвига состоит в утверждении идеи объединения всех русских земель вокруг Киева. Уничтожив Соловья, богатырь открывает, «прямоезжую» дорогу на Киев. Анализ этого сюжета показывает, что в ее составе, кроме собственно эпических мотивов, активное значение, имеют, мотивы сказочного про-

¹ Астахова А. М. Русский былинный эпос на Севере. – Петрозаводск, 1948. – С. 124.

² Пропп В.Я. Русский героический эпос. – М., 1958. – С. 44.

исхождения. Особенно отчетливо реликты сказочной традиции проявляются в характеристике образа Соловья-разбойника. Местом обитания Соловья во всех вариантах называется лесная чаща. Следовательно, сказочная оппозиция «родительский дом» – «чудесный лес» продолжает сохранять в данном эпическом сюжете свою структурообразующую роль. Следы архаической традиции прослеживаются в пространственной маркировке и других противников эпического богатыря.

Попытка истолкования эпических мотивов путем обращения к предшествующей повествовательной традиции, дает результаты и в тех случаях, когда речь идет о былинах воинского характера. В качестве такого примера рассматривается былина «Илья и Калин-царь».

Для сторонников исторического толкования былины «Илья и Калин-царь» наибольшую трудность представляет фактическое обоснование мотива убийства богатырем предводителя вражеского войска в его собственном стане. Не находя этому мотиву исторического подтверждения, они склонялись к мнению, чаю он заимствован из эпической поэзии другого народа /Вс. Миллер, С.Н. Азбелев/. Однако, если отказаться от стремления исторического обоснования мотива убийства вражеского царя, то становится очевидным, что он имеет достаточно прочные корни в сказочной и эпической традиции русского народа /»Алеша и Тугарин», «Илья и Идолище»/. Согласно логике сказочного повествования, герой обязательно должен вступить в единоборство со своим основным противником и.: одержать победу. Былина «Илья и Калин-царь» использует традиционную сюжетную схему в новых целях, где на первый план выдвигаются эстетические соображения.

Итоги анализа вышеуказанных былинных сюжетов дают основание для предположений, что заключительный этап в развитии русской эпической поэзии, связанный с тенденцией биографической циклизации, также сопряжен с обращением к сказочно-мифологической повествовательной традиции.

Последний параграф исследования рассматривает процесс трансформации сказочных и героических мотивов эпоса «Эр Тештюк». Анализ варианта С. Каралаева позволяет заметить, что эпос «Эр Тештюк» испытал достаточно сильное влияние героико-эпической традиции, что выразилось и в средствах художественной изобразительности и в переплетении сюжетных линий этого архаического сказания с эпизодами эпоса «Манас». Тештюк упоминается в «Манасе» как один из соратников богатыря. Он является важным действующим лицом в эпизодах повествующих о поминках по хану Кокотою и заговоре семи ханов против Манаса. Кроме этого, по версии С.Каралаева, Бокмурун является сыном Тештюка и пери Айсалкын. Он был подброшен Кокотою пери Айсалкын и усыновлен им.

Упоминание о богатыре Тештюке в эпизоде поминального пира имеется в варианте другого крупнейшего сказителя-манасчи С.Орозбакова. Согласно этому варианту, во время поминального пира устраиваются соревнования пеших борцов. Со стороны калмыков и китайцев на поединок выходит богатырь Джолой, обладающий невероятной силой. Ни один из киргизских богатырей не решается вступить с ним в борьбу. Тогда старец Кошой обращается с просьбой к Тештюку. Богатырь дает согласие, но мудрый старец все же не решается подвергнуть опасности, героя, только что вернувшегося из далекого похода и не окрепшего после перелета на крыльях птицы Зымырык /Симург/.

Таким образом, мы видим, что герой эпоса «Эр Тештюк», как и герои русских былин о богатырях змееборцах, вводится в мир эпической истории. Кроме этого, наблюдения над трансформацией сюжета эпоса «Эр Тештюк» дают интересный материал для выявления закономерностей сложения крупной эпической формы. По имеющимся в этом эпосе сюжетным связкам можно составить представления о сложном и многообразном процессе постепенного поглощения эпопеей

«Манас» других самостоятельных сюжетов и объединении их вокруг образа Манаса.

В процессе длительного бытования архаического эпического сюжета произошли значительные сдвиги в переосмыслении первоначальной идейной направленности основных героических деяний богатыря. Из сказочного персонажа, добывающего в подземном мире невесту, богатырь постепенно превращается в истинно народного героя, ведущего борьбу с любыми проявлениями зла и несправедливости. Образ Тештюка трактуется в новом свете, как образ борца за счастье угнетенного народа подземного царства. Уничтожив хана Көкдөө, богатырь ставит на его место своего мужественного и справедливого друга Конокбая. В эпосе рисуется идилическая картина правления нового хана подземного мира.

Указанные примеры свидетельствуют о том, что заключительный этап бытования эпоса «Эр Тештюк» не только связан с существенным влиянием на его сюжет и систему художественно-изобразительных средств эпической традиции «Манаса», но и связан с проникновением в его структуру элементов социальной утопии.

Заключение диссертации содержит основные итоги исследования. На основании изученного материала делаются следующие выводы.

Идейно-художественные и сюжетно-композиционные особенности киргизского сказания «Эр Тештюк» не могут быть правильно поняты и истолкованы без учета его тесного генетического родства с древней богатырской сказкой.

Изучение русских былин о героях-змееборцах с точки зрения типологических соотношений еще раз подтверждает мысль о том, что «мифологические модели с самого начала определяют сюжетные схемы, а не вносятся впоследствии из-за забвения исторических фактов»¹.

¹ Мелетинский Е.М. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. – М., 1986. – С. 80.

Сопоставительный анализ позволяет заметить также, что процесс биографической циклизации в русских былинах выражен слабее, чем в сюжетах эпических сказаний киргизов. Для эпоса киргизов тенденция сложения связной эпической биографии героя первична и обусловлена преемственностью повествовательной традиции богатырской сказки, тогда как в русских былинах эта тенденция возникает на более позднем этапе бытования эпической поэзии.

Таким образом, следует учитывать, по меньшей мере два фактора, которые определили обращение киргизского эпоса и русских былин к мотивам сказочно-мифологического характера; во-первых, фактор жанрово-генетической преемственности, дающий о себе знать при анализе ранних стадиальных форм /главным образом на структурно-композиционном уровне/, и, во-вторых, фактор художественно-эстетической идеализации, который возникает на этапе сложения зрелой формы героического эпоса и проявляется в стремлении представить героические деяния богатыря в тесной связи со всем эпическим социумом и народной историей.

Трансформация мотивов сказочно-мифологического характера в героическом эпосе киргизов и русских былинах шла в русле общих типологических закономерностей стадиальной эволюции жанра народного героического эпоса. В результате сравнительно анализа намечены следующие общие тенденции в усвоении русским и киргизским эпосом элементов сказочной традиции:

- сохранение сказочных мотивов в эпическом сюжете без изменения их формальной и содержательной основы;
- героическая трактовка сказочного мотива с усилением активного, героического начала в действиях эпического богатыря;
- рационализация сказочного мотива путем внесения в повествовательную основу дополнительных мотивирующих признаков;
- внесение в сказочный мотив религиозной символики.

В сюжете киргизского эпоса «Эр Тештюк» имеют место все указанные выше тенденции, что еще раз подтверждает существенную архаичность его происхождения.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

1. О русском переводе эпоса «Эр Тештюк» // Взаимообогащение национальных литератур и художественный перевод. – Фрунзе, 1987. – С. 48-55.
2. Эпос «Эр Тештюк» и волшебная сказка // Известия АН Кирг. ССР. Общественные науки. – 1989. – № 1. – С. 63-70.
3. Мифологические образы в структуре эпоса «Эр Тештюк» // Известия АН Кирг. ССР. Общественные науки. – 1990. – С. 64-72.
4. Элементы сказочной традиции в характеристике эпических богатырей русской былины и героического эпоса киргизов // Тезисы научно-практической конференции «Русский фольклор: проблемы изучения и преподавания». – Тамбов, 1991.